

Сяо Чжэнтин, услышав его слова, почему-то почувствовал лёгкое недовольство, его голос стал холоднее на три градуса:

— Он мой человек.

Эти слова вызвали сильное чувство удовлетворения, Сяо Чжэнтин почувствовал, как тёплая волна пробежала по его сердцу, заставляя его чувствовать себя сбитым с толку.

Он лёгким движением вытер уголок рта, подавив внутреннее волнение, его глаза были полны размышлений.

Ли Шань и Ли Цюань переглянулись и в унисон поклонились:

— Хозяин прав.

Тан Мо, вернувшись в свою комнату, не стал спать, а взял ручку и бумагу, сел за стол и начал внимательно рисовать.

Сегодняшнее покушение заставило его осознать одну вещь: в этом древнем мире, где существует внутренняя сила, ему нужно оружие для самозащиты.

Конечно, у него нет никаких легендарных артефактов, но он был солдатом, и знал, как изготавливать скрытое оружие и огнестрельное.

Пули здесь не сделать из-за отсутствия материалов, но он мог создать другое скрытое оружие.

Сяо Чжэнтин пообещал защищать его, но полагаться только на других — ненадёжно. Он не мог ничего не делать.

На всякий случай ему нужно было иметь скрытые средства защиты.

Он быстро закончил рисунок. То, что он нарисовал, было скрытым оружием — Смертоносный Скорпион. Оно напоминало пистолет, но с миниатюрным арбалетом, который мог выпускать три отравленные иглы за раз, всего можно было зарядить пятнадцать игл.

Он только не знал, смогут ли местные мастера изготовить нужные ему детали. Если бы смогли, это было бы замечательно.

В его голове мелькнуло лицо Сяо Чжэнтин. Тан Мо подумал, что, возможно, он сможет помочь.

Почему-то он инстинктивно верил, что Сяо Чжэнтин не причинит ему вреда.

Благодаря заботе Ли Шаня и Ли Цюаня, а также лечению дворцовыми снадобьями, Сяо Чжэнтин выздоравливал с невероятной скоростью. Человек, который чуть не умер несколько дней назад, теперь мог спокойно сидеть и гулять по двору, что вызывало у Тана Мо желание отобрать у них их волшебные лекарства.

Конец весны, начало лета. В углу двора на деревьях стрекотали цикады, иногда птицы садились на крышу, лёгкий ветерок касался лица, а в воздухе витали слабые ароматы неизвестных цветов.

Тан Мо остановился во дворе, поднял руки, выставил левую ногу и медленно развёл руки, как будто раздвигал облака и луну, словно танцуя или занимаясь боевыми искусствами.

Ли Шань и Ли Цюань помогли Сяо Чжэнтину сесть в кресло, осторожно подложив мягкую подушку, чтобы не причинить боли ранам.

Сяо Чжэнтин, откинувшись в кресле, его холодные глаза отражали стройный силуэт Тана Мо:

— Что это за танец?

— Тайцзицюань. Ты можешь назвать это танцем, а можешь — боевым искусством.

— Боевое искусство? С такой скоростью и техникой? — Сяо Чжэнтин, как правитель государства, видел много боевых искусств, но никогда не видел ничего подобного.

Если это был танец, то он был действительно элегантен и красив.

Остановившись, Тан Мо медленно опустил руки, слегка вздохнул и повернулся к Сяо Чжэнтину:

— Тайцзицюань использует мягкость, чтобы побеждать твёрдость, он скрыт и сдержан. Это боевое искусство, сочетающее в себе укрепление здоровья и защиту. Оно использует принципы гармонии инь и ян, чтобы соединить разум и тело, достигая укрепления здоровья и долголетия.

— Просто гимнастика, — Сяо Чжэнтин, выслушав всё это, выдал только эти слова.

Тан Мо не возразил. Для некоторых Тайцзицюань действительно был гимнастикой. Настоящие секреты Тайцзицюань и Тайцзицзянь ему передал даосский мастер.

Тан Мо сел рядом с ним, взял фрукт с стола и начал есть:

— Кстати, когда ты собираешься уезжать отсюда?

Раньше, когда он был тяжело ранен, он хотел вернуться в столицу. Теперь, когда ему стало лучше, он больше не упоминал о возвращении домой.

Сяо Чжэнтин уловил насмешку в его глазах, как у волчонка, прячущегося в лесу, что вызвало у него странное чувство, и его голос невольно смягчился:

— Уеду через пару дней. Перед отъездом ты можешь поехать со мной в столицу.

— Конечно, я поеду. Мы же договорились, ты будешь меня прикрывать.

За эти дни он понял, что Сяо Чжэнтин — очень порядочный человек. Хотя он немногословен и строг, а иногда холоден, он относился к нему с большим уважением, что вызвало у него симпатию.

Он сглотнул, думая, что ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что он любит мужчин.

Этот человек такой консервативный и старомодный, если узнает, то точно прогонит его.

Сяо Чжэнтин думал, что такого милого волчонка нельзя отпускать. Если он убежит, второго такого не найти.

Тан Мо посмотрел на Сяо Чжэнтин и улыбнулся:

— Брат Сяо, можно я так тебя называю?

— Если ты считаешь меня другом, почему бы не называть меня Чжэнтин?

— Чжэнтин? — Тан Мо удивился, какое близкое обращение. Он наклонил голову, слегка сомневаясь. — Ваше Величество, это... Не слишком ли рано для таких обращений?

— Ты же сказал, что не любишь излишнюю формальность? Я думаю, это хорошо. С детства я рос в окружении почтительности, и мне хочется настоящего друга, который мог бы называть меня по имени. Ты будешь звать меня Чжэнтин, а я буду звать тебя Мо, как насчёт этого?

Хотя его голос был холодным, Тан Мо почувствовал в нём нотку обиды и поспешно кивнул:

— Как скажешь, тогда я буду звать тебя Чжэнтин.

В конце концов, это он сам предложил, он его не заставлял.

Ли Шань и Ли Цюань, стоящие за Сяо Чжэнтином, чуть не упали в обморок. Они много лет служили своему хозяину, но никогда не видели, чтобы он так относился к кому-то.

И позволить называть себя по имени? Это было просто невероятно.

Неужели потому, что он спас хозяина, и тот стал к нему по-другому относиться?

Нет, они покачали головой. Даже если он спас хозяина, тот не мог так относиться. Они, зная хозяина много лет, чувствовали, что он к этому человеку... очень привязан.

Они не могли описать это чувство, но это была странная привязанность.

Тан Мо посмотрел на Сяо Чжэнтина, поклонился и улыбнулся:

— Тогда, Чжэнтин, впредь я буду полагаться на тебя.

Он был крайне удивлён, не ожидал, что этот обычно серьёзный мужчина в частной жизни так дружелюбен. Возможно, его холодная внешность — это маска, которую он, как император, вынужден носить.

Будучи императором, даже самых близких нужно остерегаться, так что он не может показывать свою истинную натуру всему миру.

Эх, если бы он был императором, он бы точно сошёл с ума. Это не работа для человека.

Сяо Чжэнтин, конечно, не знал, о чём он думает, холодно сказал:

— Мы вернёмся через пару дней, Мо, ты можешь столкнуться с герцогом Цюань.

Герцог Цюань, Ван Ни, служит в столице. Если он будет ходить по столице, они обязательно встретятся.

Пожал плечами, Тан Мо лёгко улыбнулся:

— Я не боюсь, чего бояться? Я уже не тот Тан Мо.

Если его разозлить, он просто убьёт его и отправит к подземному Тану Можэну.

Сяо Чжэнтин, глядя на его бесстрашную и острую улыбку, слегка улыбнулся. Похоже, он зря

волновался.

В предрассветные часы Тан Мо разбудили Ли Шань и Ли Цюань. Потянувшись, он оделся, подобрал волосы, за эти дни он привык ухаживать за своими длинными волосами и легко собрал их в хвост лентой.

По правилам, Тан Мо в шестнадцать лет должен был пройти церемонию совершеннолетия, но Тан Чан сделал вид, что не знает об этом, оставив его всё ещё с лентой в волосах.

Он решил, что, приехав в столицу, будет гулять повсюду. Если кто-то спросит, он скажет, что его отец забыл.

Ведь в древности такие вещи очень важны. Если даже родной сын не проводит церемонию совершеннолетия, Тан Чану точно будут смеяться в лицо.

Они позавтракали просто. Тан Мо, выйдя на улицу, увидел роскошную и элегантную карету, стоящую на лугу, окружённую солдатами, которые, увидев Сяо Чжэнтин, тут же встали на колени и поклонились.

— Ваше Величество, здоровья вам.

— Хм.

Сяо Чжэнтин кивнул, первым ступил на доску и вошёл в карету, глядя на Тана Мо снаружи.

Тан Мо, держась за дверь, легко поднялся в карету и сел рядом с Сяо Чжэнтином, его взгляд упал на Дядюшку Шаня снаружи.

Он поклонился и улыбнулся:

— За эти дни, спасибо за заботу, Дядюшка Шань.

Дядюшка Шань покачал головой, что было редкостью, и ответил:

— Надеюсь, молодой господин не забудет, что деяния Тан Чана и Госпожи Ван не касаются остальных членов семьи Тан.

За эти дни он понял, что этот юноша — решительный и способный человек. Выжить под давлением Тан Чана и его жены — это уже нечто необыкновенное.

В семье Тан есть и другие, его дети и внуки тоже здесь. Он не просит ничего, только надеется, что молодой господин, вспомнив его заботу, пощадит его потомков.

Тан Мо легко улыбнулся:

— Дядюшка Шань, не беспокойся. Мои счёты только с семьёй Тан Чана, до вас это не касается.

— Тогда спасибо за великодушие, молодой господин.

<http://bllate.org/book/16556/1510222>